

Борис В. Соколов  
bvsokolov@yandex.ru

Boris V. Sokolov  
bvsokolov@yandex.ru

## ДОКТОР ГАРИН В ЭПОХУ ЯДЕРКИ

### DOCTOR GARIN DURING THE EPOCH OF NUCLEAR WAR

В статье анализируется роман Владимира Сорокина *Наследие*, завершающий трилогию о докторе Гарине. Устанавливается связь романа с событиями войны на Донбассе и российско-украинской войны. Выясняются реальные прототипы персонажей, связанных с этими войнами, и литературные источники романа. Также выявляются особенности композиции романа и трилогии в целом. Доказывается, что в романе пародируется советская литература о гражданской войне в России, русская и иностранная литература XX-XXI веков, а также литература, созданная с помощью искусственного интеллекта.

*Ключевые слова:* Владимир Сорокин, русская литература XXI века, советская литература о гражданской войне, война на Донбассе, российско-украинская война, Искусственный Интеллект.

The article analyzes Vladimir Sorokin's novel *Legacy*, which completes the trilogy about Dr. Garin. The connection of the novel with the events of the war in Donbas and the Russian-Ukrainian war is established. The real prototypes of the characters associated with these wars and the literary sources of the novel are being investigated. The peculiarities of the composition of the novel and the trilogy as a whole are also revealed. It is proved that the novel parodies Soviet literature about the Russian civil war, Russian and foreign literature of the XX-XXI centuries, as well as literature created with the help of artificial intelligence.

*Keywords:* Vladimir Sorokin, Russian literature of the XXI century, Soviet literature about the civil war, the war in Donbass, the Russian-Ukrainian war, Artificial Intelligence.

#### **1. Война всех против всех, или Новая жизнь советской прозы о гражданской войне**

Новый роман Владимира Сорокина *Наследие* является не только завершением трилогии о докторе Гарина, но и первым художественным откликом на войну России против Украины, начавшуюся 24 февраля 2022

года. Действие романа происходит в не столь отдаленном будущем, примерно через 20 лет после времени действия в романе *Доктор Гарин* (2021), поскольку в *Наследии* детям Гарина, которые были зачаты в предыдущем романе, уже 20 лет. За это время произошло много трагических событий. После неудачной для себя войны с применением ядерного оружия («ядерки») Россия распалась на множество отдельных республик, которые в ее Азиатской части оказались зависимы, главным образом, от Китая, который также присоединил к себе территории нынешнего Приморья, Уссурийского края и Забайкалья, ранее входившие в состав Цинской империи. В связи с этим в Китае ежегодно празднуется «День возвращения северных территорий» — пародия на введенный Путиным «День воссоединения новых регионов с Россией», т. е. украинских территорий, оккупированных российскими войсками.

Сам Сорокин, комментируя роман *Наследие* после того как Следственный комитет России начал проверку произведения на предмет пропаганды ЛГБТ и насилия над детьми, отмечает, что «мы живем в мире, который гораздо жестче самой жестокой литературы. Многие десятилетия описывая сцены насилия, я задаюсь одним и тем же вопросом: почему люди не могут без этого обойтись? Других целей у меня нет» (Мамиконян, Ломыкина, Алеева 2024). И сцены насилия разного рода составляют основное содержание первых двух частей *Наследия*.

Первая часть романа, «Транссибирский экспресс №4», и вторая часть, «Партизанский отряд “УЁ”», представляют собой пародию на советскую литературу о гражданской войне в России 1917–1922 годов. Транссибирский экспресс №4, выходящий из Хайшенъвэя (китайское название Владивостока) в Дальневосточной республике, и следующий в Уральскую республику, тянет паровоз, который топят обрубками человеческих тел. Это напоминает о ломтевозе из текста клона Андрея Платонова в сорокинском романе *Голубом сало* (1999), который топят «ломтями» человеческих тел. Рассказ писателя-клона, в свою очередь, пародирует повесть Андрея Платонова *Сокровенный человек* (1927), где паровоз со снегоочистителем с ножами расчищает путь для красных бронепоездов в прифронтовой полосе. Идея ломтевоза навеяна коммунистической легендой о красном командире Сергее Георгиевиче Лазо, якобы сожженном в паровозной топке японцами и уссурийскими казаками в апреле или мае 1920 года на станции Усури, т. е. как раз в тех местах, где происходит действие *Наследия* (здесь Усурийск уже превратился в китайский Шуайбинь). В действительности Лазо был расстрелян то ли японцами, то ли казаками, и произошло это либо непосредственно во Владивостоке, либо на одной из близлежащих станций, а труп его зарыли в безымянной могиле или сожгли (Климов 2004).

В романе человеческое топливо поставляется из прицепленного к экспрессу пыточного вагона iron maiden, где контрразведчики пытаются и казнят заподозренных «врагов народа», которых набирают на каждой стан-

ции. Такая практика будто бы ускорила «очистительные процессы в измененных войною шести государствах и способствовало упрочению мира на всём сибирско-азиатском континенте» (Сорокин 2024: 19). Iron maiden — это не только название средневекового пыточного приспособления «железная дева», но и название современной компьютерной игры. Китайское же название пыточного вагона, Ши-Хо, переводится как «стиснутые зубы». В китайской гадательной *Книге перемен (И Цзин)* (около 700 года до. н. э.) гексограмма № 21 Ши-Хо означает не только «Стиснутые зубы», но и «развитие» и «благоприятно применение тюрем». Как полагал Юлиан Шуцкий, «образ “стиснутых зубов” выражает, во-первых, восстановление нарушенного единства, и, во-вторых, разрушение того, что попадает между зубами. Только такое активное очищение от чуждого приводит развитие к продвижению вперед» (Шуцкий 1993: 340). Этот принцип исповедуется не только Китаем, но и большинством правителей построссийских государств во Вселенной Сорокина.

Но Ши-Хо, как iron maiden, также является компьютерной игрой Shih Ho. На просторах бывшей России происходит смешение языков, возникают жуткие пиджины, а допрос в iron maiden ведут одновременно на русском, китайском и алтайском.

Сорокин также ориентировался на фильм Александра Гордона «Сергей Лазо» (1968), где главного героя сыграл Регимантас Адомайтис. Сюжет картины заключается в том, что после ареста Лазо и его товарищей везут по Транссибу в арестантском вагоне, и Лазо вспоминает различные события своей жизни. Допрашивают арестованных японский генерал Оой (А. Сейта) и белогвардеец есаул Бочкарев, которого сыграл известный режиссер Андрей Тарковский, который также, по некоторым данным, был соавтором сценария фильма. Оба эти персонажа — исторические личности. Генерал Оой Сигэмото (1863–1951) командовал японским экспедиционным корпусом в России в 1919–1920 годах. Валериан Иванович Бочкарев (1892–1923) был уссурийским казаком и погиб на Камчатке в бою с красными партизанами, уже в чине полковника. Советская легенда приписывала ему казнь Лазо и его товарищей Алексея Луцкого и Всеволода Сибирцева, как это происходит и в финале фильма, но доказательств участия Бочкарева в убийстве Лазо до сих пор не найдено. У Сорокина же в пыточном вагоне допрос арестованных ведут есаул Гузь в форме ротмистра СБ ДР (Службы безопасности Дальневосточной Республики) и капитан ГБ КНР Лю Жень Ши.

Начало сорокинского романа заставляет вспомнить тот эпизод романа *Белая гвардия* (1925) Михаила Булгакова, где поручик Мышлаевский рассказывает о беседе с мужиком, выдавая себя за петлюровца: «Чего этот богоносный хрен возликовал: «Хлопчики... хлопчики...» Говорю ему таким сдобным голоском: «Здорово, дид. Давай скорее сани». А он отвечает: «Нема. Офицерня уси сани угнала на Пост». Я тут мигнул Красину и спра-

шиваю: «Офицерня? Тэк-с. А дэ ж вси ваши хлопци?» А дед и ляпни: «Уси побиглы до Петлюры». А? Как тебе нравится? Он-то сослепу не разглядел, что у нас погоны под башлыками, и за петлюровцев нас принял. Ну, тут, понимаешь, я не вытерпел...» (Булгаков 2023: 199–200)

В сорокинском романе «товарищ подпоручик» Кривошеин порет плеткой мужика за доставку мороженных «ломтей» для Транссибирского экспресса. Наказуемый же оправдывается: «— Так де ж мы парных найдём? — взмолился мужик, держа засаленные рукавицы у своей заросшей бородой физиономии. — Тюрма пуста, лагерь пуст!» (Сорокин 2024: 13)

Роман Артёма Веселого *Россия кровью умытая* (1924–1932) также вспоминается при чтении первых двух частей *Наследия*. Вот как, например, Весёлый описывает казнь предателя: «В солнечный воскресный день Егор Ковалев вывел за город с музыкой и песнями весь гарнизон, выстроил его и начал говорить речь, во время которой он несколько раз распоясывался, вздергивая рубаху и показывая солдатам свою почерневшую, как чугунок, спину. Оборвав речь, так как не в силах был терпеть, он подбежал к ползающему на коленях Ежову, и его драгунская шашка заблестала: он оттапал изменнику сперва руки, потом ноги, потом голову» (Весёлый 1990: 307).

У Сорокина в пыточном вагоне происходят аналогичные казни:

«В руках у двух подручных возникли бластеры, сверкнули напряжённо гудящим бело-голубым пламенем. Лучи с громким треском разрезали тело толстяка на части. Подручные теми же крюками подцепили дымящиеся куски и забросили человечину в контейнер.

Подручный алтаец занёс гудящий луч бластера над мальчиком:

— Кого любишь больше — папу или маму?

— Ма-м-му... — пролепетал тот, рыдая.

— Это правильно.

Луч с треском перерезал спину насилуемой.

— Ёб твою, Апат! — Насильники повалились на пол вместе с половинами женщины.

Её тоже разделали и закинули в контейнер.

— Парня к предкам! — скомандовал есаул.

— Встать! — заорал узколицый, тонкогубый и ушастый беларус. — Смирно!

Мальчик выпрямился перед ним, дрожа.

Бластер белоруса развалил мальчика с макушки на две половины. Половины не успели упасть, как их подцепили крюками и зашвырнули в контейнер» (Сорокин 2024: 21–22).

Как это часто бывает в произведениях Сорокина, средневековые пытки и казни осуществляются с помощью самых современных технических средств фантастического будущего — лазерными бластерами<sup>1</sup>. Последняя

<sup>1</sup> Вероятно, идею подобных орудий убийства и пыток подсказало сообщение о том, что китайские инженеры из Сианьского института оптики создали лазерный автомат “KZM-500”, стреляющий лазерными пучками. Пока мощности лазера хватает лишь на

же казнь заставляет вспомнить советскую частушку — образец «черного юмора»:

Маленький Петя на льдине играл,  
Мимо него ледокол проплывал.  
Нет ничего веселее на свете:  
Слева пол-Пети и справа пол-Пети.

Сорокин берет сюжет повести Всеволода Иванова *Бронепоезд 14-69* (1922) — нападение красных партизан на белый бронепоезд и накладывает его на сюжет романа Александра Фадеева *Разгром* (1926) — разгром красного партизанского отряда белоказаками. При этом действие *Наследия*, как и действие *Бронепоезда 14-69* и *Разгрома*, происходит в Приморье. Слово «разгром» с явной отсылкой к роману Фадеева фигурирует в *Наследии* (Там же: 183). В роли отряда, подвергшегося разгрому, выступает партизанский отряд «УЁ» («Уссурийские ёбари»), а в роли разгромившего его казачьего отряда — конкурирующий партизанский отряд «ЗАЁ» (“Забайкальские ёбари”). Оба эти отряда напоминают казачьи и другие самостоятельные отряды в армиях сепаратистских Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) в первые годы войны на Донбассе. Такие отряды мало кому подчинялись, кроме своих командиров, и отличались чрезвычайной жестокостью.

Есть у Сорокина и прямое заимствование из повести Всеволода Иванова. Вот описание жены партизанского командира Вершинина в *Бронепоезде 14-69*: «Горело у жены сильное и большое тело, завернутое в яркие ткани. Кровенились потрескавшиеся губы, и выпячивался сквозь платье крепкий живот» (Иванов 1968: т. 2, 137). А в *Наследии* читаем:

«Женщина дородная, как и комиссар. Сибирячка. Встала покорно, юбку задрал. Крепкими руками о тендер оперлась.

— Матушка, одарил Вседержитель тебя охлупьем знатным! — одобряет комиссар, елду направляя.

Вошёл.

И — молча приняла в себя дубину комиссарову, только губу прокусила. Кровь на рельс стылый капнула» (Сорокин 2024: 132).

В обоих случаях искусанные в кровь губы — следствие бурного секса, в романе Сорокина — насильственного.

В *Наследии* исчезли политики-бути из *Доктора Гарина*, чьи просчеты или злая воля привели к войне. Вместо них осталась одна только ЖЖ («живородящая жопа, генетически выращенный круглый зад»:

«ЖЖ была белая, гладкая, размером чуть больше среднего. Её устало сёк прутом рядовой Авдеенко. ЖЖ периодически смешно выпускала газы, пахнувшие розовым маслом. Видно было, что Авдеенко делает это уже давно и порядком устал. Свою правую руку он поддерживал левой. <...>

---

то, чтобы обжигать верхние слои кожи или повредить зрение противника, но в дальнейшем его планируется превратить прототип в реальное боевое оружие будущего (GEEKon 2018).

ЖЖ три раза подряд выпустила газы. Авдеенко перестал её сечь, морщась и поддерживая правую руку.

— Секи! — приказал Пак.

— Господин капитан, рука отваливается.

—левой секи! Или на гауптвахту. Альтернатива, да? Провинность серьёзная у тебя, рядовой.

Авдеенко взял прут в левую руку и принялся неловко сечь ЖЖ» (Там же: 109, 111–112).

Здесь исполнение наказания представлено как действие, в ходе которого наказанным оказывается сам палач. Вероятно, в данном случае пародируется распространённое в современной России палачей сталинского НКВД ссылками на то, что у них была трудная и нужная для общества работа. Но порка ЖЖ может восприниматься также как символическое наказание политиков-бути.

На просторах сибирских республик даже после завершения большой войны продолжается малая война «всех против всех», идет партизанская война. Партизанский отряд «УЁ» («Уссурийские ёбари») изображен Сорокиным в декорациях фадеевского *Разгрома*. Только партизаны «УЁ», как и их конкуренты, партизаны «ЗАЁ», пленных врагов не убивают обычным оружием, а содомизируют, чаще всего — до смерти. Руководители отряда «УЁ» — легко узнаваемы: «Партизанский отряд “Уссурийские ёбари” лейтенант-морпех ДР Иван Налимов слепил ещё во время войны из дезертиров, на газе сидящих. Комиссар Богдан Оглоблин, расстриженный за “злостное и рецидивное мужеложество” настоятель церкви Николая Чудотворца в селе Чугуевке, прибил к отряду сразу после Исык-Кульского мирного договора, положившего Трёхлетней войне конец. Налимов невысокий, худосочный, с редкой бородкой. Оглоблин — человек-гора, широкий, пузатый, борода густая на груди караваем лежит» (Там же: 126–127). В этих образах легко опознать их прототипы. Для Ивана Налимова таковым послужил бывший лидер Национал-большевистской партии (НБП) писатель Эдуард Лимонов (Савенко) (1943–2020), а для Боглана Оглоблина — бывший активный член НБП писатель Захар (Евгений) Прилепин, активно поддержавшие российскую агрессию против Украины (Прилепин даже комиссарил на Донбассе во время малой войны 2014–2022 годов и во время большой войны, начавшейся в феврале 2022 года). То, что Оглоблин — поп-расстрига, является намеком на то, что священнослужители РПЦ играют в путинской России роль идеологических комиссаров.

Программная речь командира отряда (комотра) Налимова пародирует программу НБП:

«Все мы с вами в своё время сделали свой выбор. Мы знаем, за что воюем. И послали куда подальше капиталистов! Положили на них с прибором! Правда? Правда! А почему, спрошу я вас? Потому что мы — свободные люди! <...>

— Спросят нас дураки: а почему вы жопы рвёте? Зачем до крови ебёте? А?

— Потому что иначе нельзя! — кричит из зала боец Рябчик.

— Потому что иначе нельзя! — командир подхватывает. — А почему иначе нельзя?

— Потому что по-другому не доходит! — голоса кричат.

— Вот! Потому что по-другому не доходит! Правда? Правда! До оболваненных капиталистической пропагандой высшая истина может дойти только через жопу! Правда?» (Там же: 153–154)

Есть в романе Сорокина и явный след *Тихого Дона* Михаила Шолохова. Комотр Налимов обращается к командиру отряда «ЗАЁ» капитану Хвану: «— Дозвольте нам с комиссаром поглядеть, как наши товарищи будут еблю смертную принимать. Чтобы поддержать их по-братски. А опосля и нас заебёте» (Там же: 182). Это — одно из наиболее комических мест *Наследия*.

У Михаила Шолохова и его возможного соавтора есть обращение председателя Донского Совнаркома Федора Григорьевича Подтелкова (1886–1918) к захватившим его и его соратников белоказакам, которое Сорокин явно пародирует: «— Старики! Позвольте нам с Кривошлыковым поглядеть, как наши товарищи будут смерть принимать. Нас повесите опосля, а зараз хотелось бы нам поглядеть на своих друзей-товарищей, поддержать, которые духом слабы» (Шолохов 1928: 181).

Оргия же, которой предаются бойцы отряда «УЁ» после захвата Транссибирского экспресса, напоминает оргию опричников в сорокинском романе *Дне опричника*. Башня современного танка, поставленная на запряженные лошадьми сани в партизанском отряде «УЁ», символизирует сочетание в вооружениях российской армии современных и архаичных образцов, что часто создает причудливые гибриды бронетехники, а также зависимость российского ВПК от импорта из Китая и других стран: «На мощных санях, шестёркой лошадей тащимых, — китайского танка белая башня» (Сорокин 2024: 125). Шире этот рожденный фантазией писателя гибрид пародирует сочетание современного и архаичного в сегодняшней России.

Нынешнюю большую войну России против Украины в романе Сорокина пародирует Трёхлетняя сибирская война, через несколько лет после завершения которой разворачивается действие *Наследия*. В то же время, эта война пародирует и войну на Донбассе, продолжавшуюся с разным уровнем интенсивности с апреля 2014 до февраля 2022 года, т. е. до начала широкомасштабного российского вторжения в Украину. Трёхлетняя сибирская война завершилась Иссык-Кульским мирным договором, который пародирует Минские соглашения, подписанные в сентябре 2014 и в феврале 2015 года и предусматривавшие прекращение войны на Донбассе, но так и не выполненные.

А кочегарами экспресса, бросающими в топку «ломти» человеческих тел, работают очень узнаваемые персонажи. «Кочегар Жека, <...> бритоголовый, средних лет, с тяжёлым подбородком, глазами навыкат и вечно озабоченно полуоткрытым маленьким ртом», кувалдой убивает инакомыслящего: «Кувалда обрушилась на его череп, кровь и мозг брызнули в стороны» (С. 17–18). Также «бритоголовый, с промятым мясистым лицом Жека,

бывший зэк, трижды отсидевший за воровство и изнасилование, говорил в основном на фене, верил в “рок” и в “ситуацию” и в то, что пять юаней лучше, чем четыре; ни дома, ни семьи не имел и подворовывал при любом удобном случае» (С. 38). Жека рассказывает о вербовке заключенных на войну:

« — Я в крытке когда сидел, нашему смотрящему маляву подогнали: подписан приказ главкома — зэков с малым сроком тянуть в чистильщики на бронепоезда, заносы снежные чистить, день за три в хате, лучшим — амнистия...

— Чушь! На каждом бронепоезде имеется укомплектованная бригада, снегорезы, угольники.

— То-то и дело, тема гнилая, им ломти в топку нужны, а не работяги, но ясно стало, что многие лёгкие поведутся, ну, те, что по бакланке, или просто мужики по первоходке. И вишь, ломаются, падлы, с этой темой в крытку! Не в зону, где воздуха для мыслей у человека до хуя, а в крытую! А тут кубатура, бля, бетон! Какие мысли, нах? Спёртость ума! Короче, смотрящим тогда был Володя Кореец, достойный кент, законник, и вот он эту шнягу просто, бля, закрыл, как дважды два: разослал он по хатам...» (С. 39–40)

А еще кочегар Жека выступает в роли повара, когда готовит банкет для отряда «УЁ»: «Жека вызвался помочь, рассказав, как поваром на зоне работал и начальству лагерному банкеты закатывал» (С. 187).

Перед нами — злая пародия на Евгения Владимировича Пригожина, создателя частной военной компании «Вагнер», которая сыграла большую роль в российско-украинской войне. Пригожина также называли «кремлевским поваром», поскольку он владеет ресторанным бизнесом и принимал в своем ресторане Владимира Путина с иностранными гостями, откуда будто бы и началось его знакомство с российским президентом. Портрет Жеки совпадает с портретом Пригожина. Евгений Владимирович активно вербовал заключенных для войны против Украины. Слова Жеки о том, что заключенные нужны как «ломти в топку» — это намек на гибель большинства заключенных в так называемых «мясных штурмах». Пригожин был бизнесменом с уголовным прошлым, имевшим две судимости и проведенным девять лет в местах лишения свободы. Он обильно оснащал свою речь блатным жаргоном. Кроме того, Пригожин неоднократно обвинялся в хищениях денег, выделявшимся ему Министерством обороны и мэрией Москвы.

Второй кочегар — это Гера:

«Поджарый, с правильными чертами всегда серьёзного лица с офицерскими усиками Гера, бывший штабс-капитан ВДВ ДР, разжалованный во время войны сперва в солдаты за “бунт против штабных бездарей”, а потом и вовсе комиссованный по ранению, верил в православно-бога, имел жену во Владивостоке и сына в Пекине, говорил на старомодном русском, был честен до идиотизма, непримирим к врагам и нетерпим к несправедливости. Исык-Кульский мирный договор он презирал, считая предательством» (С. 38–39).

Перед нами — чуть менее злая, чем на Пригожина, пародия на Игоря Всеволодовича Гиркина (он же — Игорь Иванович Стрелков), отставного полковника ФСБ, который командовал российским отрядом, захватившим Славянск в апреле 2014 года, что привело к началу войны на Донбассе. В дальнейшем он был министром обороны и командующим вооружёнными силами самопровозглашенной сепаратистской Донецкой Народной Республики (ДНР), но в августе 2014 года, после появления на территории Донбасса значительных контингентов российских регулярных войск, был смещен с этого поста и вынужден был уехать в Россию. Гиркин-Стрелков отличается монархическими взглядами и участвовал в российском реконструкторском движении, играя роль унтер-офицера Дроздовского полка белой Добровольческой армии, а позднее состоял во военно-историческом объединении «Марковцы», названного в честь другого полка Добровольческой армии. Он пытался строить армию ДНР на традициях Русской императорской армии, белой Добровольческой армии и православия. В одном из своих приказов Гиркин-Стрелков писал: «Мы называем себя православной армией и гордимся тем, что мы служим не золотому тельцу, а Господу нашему Иисусу Христу. ...Матерная брань — это богохульство, которое всегда считалось тяжким грехом. ...Невозможно русскому воину употреблять язык врага. Это духовно унижает нас и ведёт армию к поражению» (Robinson 2014). Гера — один из немногих персонажей романа, кто не матерится. До своего ареста в июле 2023 года по обвинению в призывах к экстремизму Гиркин-Стрелков, как и Пригожин, в своем телеграм-канале неоднократно резко критиковал руководство российского Министерства обороны и Генерального штаба за ошибки, допущенные во время войны против Украины. Он также крайне негативно относится к Минским соглашениям, считая их предательскими со стороны руководства России по отношению к «народу Донбасса».

Оба персонажа занимаются тем же, чем занимались прототипы, — подбрасывают «пушечное мясо» в топку войны. Партизаны отряда «ЗАЁ» устраивают между Жекой и Герой поединки в боях без правил, обещая победителю жизнь. Побеждает Гера, но в результате в живых оставляют обоих. Очевидно, роман *Наследие* писался еще до ареста Гиркина и ликвидации Пригожина, осуществленной 23 августа 2023 года, ровно через два месяца после поднятого им мятежа с походом на Москву.

Поединок Жеки и Геры пародирует известную «Песню о сентиментальном боксёре» (1966) Владимира Высоцкого (Высоцкий 1994: т. 1, 199–200):

Удар, удар, ещё удар,  
Опять удар. И вот  
Борис Буткеев (вариант: Евсеев. — Б. С.) (Краснодар)  
Проводит апперкот.

Вот он прижал меня в углу,  
Вот я едва ушёл,  
Вот — апперкот, я — на полу,  
И мне нехорошо!

Но думал Буткеев, мне челюсть кроша:  
«И жить хорошо и жизнь хороша!»

В трибунах свист, в трибунах вой:  
Ату его — он трус!  
Буткеев лезет в ближний бой,  
А я к канатам жмусь.

Но он пролез — он сибиряк,  
Настырные они!  
И я сказал ему: Чудак!  
Устал ведь, отдохни!  
Но он не услышал, он думал, дыша,  
Что жить хорошо и жизнь хороша.

А он всё бьёт, здоровый чёрт,  
Я вижу — быть беде, —  
Ведь бокс не драка, это спорт  
Отважных и т. д.

Вот он ударил  
раз, два, три  
И... сам лишился сил,  
Мне руку поднял рефери,  
Которой я не бил.

Лежал он и думал, что жизнь хороша.  
Кому — хороша, а кому — ни шиша!

В романе Жека оказывается в роли боксера из Краснодара, а Гера — в роли «сентиментального боксера»:

«Жека стал бить размашисто, нанося удары снизу вверх, на ногах полуприсев, каждый удар выкриком злым сопровождая:

— Ха, бля! Ха, бля! Ха, бля!

Гера молча отражал, на месте стоя. И тоже ударил: мимо, мимо, вскользь лысой башки Жекиной. Наблюдающим быстро понятно стало — если Гера и брал уроки бокса, то немного и недолго. Кулак Жеки попал Гере в ухо, он пошатнулся, но устоял на столе. Из уха пошла кровь. <...>

Жека бил, размахиваясь широко, брызгая слюной, глаза пуча, по столу топоча. Гера стал пятиться, отбиваясь, но не попадая. Лицо его с маленькими усиками выражения своего не потеряло, только щёки покраснелись. “Я офицер!” — словно это лицо говорило. <...>

Удары его отчаянные, беспорядочные на Геру посыпались. Защищался тот как мог. Попал Жека снова по уху, нос задел и по голове вскользь. Гера ударил ответно — раз, другой, третий. Отпрянул Жека. Стало заметно, что устал он: дышал тяжело ртом разбитым, лицо покраснелось. Гера высморкал кровь из носа расквашенного. Жека вперёд кинулся, махая руками из последних сил:

— Хи, бля! Хи, бля! Хи, бля!

Увернулся Гера от двух ударов, сам ударил Жеку в челюсть. И попал. Отшатнулся тот, попятился и задницей плоской на стол присел. Гера добивать

не стал — замер над севшим, кулаки окровавленные у груди держа. Жека сидел на столе, кровавый рот открыв, дыша тяжело» (Сорокин 2024: 195–197).

Главный герой трилогии Владимира Сорокина, образованной повестью *Метель* (2010) и романами *Доктор Гарин* (2021) и *Наследие* (2023), доктор Платон Ильич Гарин, перед *Наследием* пережил ядерную войну. В этой войне его жена Маша погибла, а он лишился своих титановых протезов и получил огромную раковую опухоль в пол-лица. Гарин превратился в нищего безногого инвалида, который передвигается с помощью двух железных утюгов: «В проходе на низкой коляске, опираясь на пол двумя утюгами, стоял инвалид. Это был полный, широкогрудый старик с большой белой бородой, большим красным носом и выбритым черепом» (Там же: 44). Такой инвалид с утюгами присутствовал у Сорокина уже в романе в рассказах *Сахарный Кремль* (2008), действие которого происходит в той же фантастической антиутопии российского будущего. По ходу романа Гарин встречает своих детей — близнецов Алю и Оле, чья мать, великанша («большая») Матрёна Пехтерева<sup>2</sup>, которая боролась против китайцев и их союзников и погибла, и близнецов Хррато и Плабюх из племени чернышей, чья мать, «белая ворона» — альбиноска Цбюхрр, тоже погибла во время войны. Хррато и Плабюх, обладающие присущей чернышам необычайной силой и ловкостью, а также устойчивости к любым болезням, уничтожают стрелами отряд «ЗАЁ» во главе с его командиром капитаном-подводником Семёном Хваном. Последний может восприниматься читателями как пародия на министра обороны тувинца Сергея Шойгу, хотя это вряд ли входило в намерение автора. Портрет Хвана похож на портрет Шойгу: «Хван — невысок, кряжист, круглолиц и злобен всегда почти» (Там же: 179).

Доктор Гарин умирает, но его дети остаются в живых. Его смерть символизирует смерть старой постсоветской интеллигенции (она же старая российская интеллигенция, существовавшая со второй половины XIX века), на смену которой приходят более жизнеспособные наследники, отличающиеся, однако, крайней примитивностью языка.

## 2. Эпоха *milklit*, или Памятник мировой литературы

Последняя, третья часть *Наследия*, «*Milklit*», пародирует роман Сорокина *Роман* (1985–1989), где, в свою очередь, пародировалось пространство русского романа XIX века. В третьей части *Наследия* сначала возникает чеховское пространство, в которое, однако, вплетаются произведения других русских и иностранных писателей, в том числе *Les Bienveillantes* (Благо-

<sup>2</sup> Прототипом атаманши Матрёны Саввишны Пехтеревой могла послужить атаманша Анна Прокопьевна Черепанова, вместе с мужем, купцом Андрианом Григорьевичем Черепановым, возглавлявшая антикоммунистический партизанский отряд в Верхонском уезде Иркутской губернии в 1918–1924 годах. Анна Черепанова послужила прототипом Пестимей Морозовой (Серафимы Клычковой) в романе Анатолия Иванова *Тени исчезают в полдень* (1963) (Анищенко 2018 № 8: 16–18).

*волительницы*) (2006) Джонатана Литтелла, а также литературная критика XX и XXI веков. Связь с Чеховым подчеркивается тем, что один из персонажей третьей части *Наследия* носит фамилию Киршгартен, т. е. «Вишневый сад» в переводе с немецкого.

Milklit — это не только название музыкальной группы и молочного коктейля, но и название новой литературы (milk literature, хотя такой расшифровки в романе нет), которая создается путем пахания и пластования из молока сметаны, масла и творога, из которых плетутся и вяжутся причудливые узоры. Читатели как бы съедают эти продукты, тем самым знакомясь с содержанием произведений milklit, которые создаются milkscripter'ами главным образом в виде *творога*. Это слово в данном случае одновременно — и молочный продукт, и результат творчества. А «переплетчики» переводят постепенно исчезающую обычную бумажную и цифровую литературу в milklit. В лице milklit Сорокин пародирует литературу, написанную искусственным интеллектом (ИИ). А milkscripter'ы — это пародия на промпт-инженеров.

В milklit Сорокин пародийно овеществляет метафору «наесться литературой»:

«Мода прошла! Читатели наелись.

— Все мы объелись фронтовой литературой, — вздохнула Ольга. — До изжоги» (С. 311).

Ознакомление читателей с milklit имитирует процесс поедания молочных продуктов, но без уничтожения самого произведения и, вероятно, у читателей (потребителей milklit) возникают соответствующие вкусовые ощущения, передающие содержание продукта (произведения):

«Выдвинув ящик стола, Телепнёв достал коробку тёмно-синего пластика, открыл и стал передавать жене для всех такие же тёмно-синие очки, похожие на плавательные. Свои тёмно-синие очки он достал из центрального ящика стола и тут же надел. Все очки были с круглыми линзами. <...>

Засучив рукава, он ловко размял свои пальцы и погрузил их в *молоко*. Пальцы задвигались, *молоко* и *творог* отозвались им. Очки у всех сразу активировались, на них сбоку загорелось по синей искре.

В тарелке стал расти массив *творога*, множась структурно и раскрываясь энергетически. Дрожь пробежала по телам сидящих. И начался процесс поглощения текстовой массы» (С. 328–329).

Имя Киршгартена — Ролан напоминает нам как о похожем имени главного героя романа *Роман*, так и о французском философе и филологе Ролане Барте. Последний утверждал:

«Текст не следует понимать как нечто исчислимое. Тщетна всякая попытка физически разграничить произведения и тексты <...> Произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства, а Текст — поле методологических операций <...> Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только

в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознает). Текст — не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом. Или иначе: *Текст ощущается только в процессе работы, производства*. Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться — например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений. <...> Тексту присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая — множественность *неустраняемая*, а не просто допустимая. В Тексте нет мирного сосуществования смыслов — Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Действительно, множественность Текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, *пространственной многолинейностью* означающих, из которых он соткан (этимологически «текст» и значит «ткань» в подавляющем большинстве из индоевропейских языков)» (Барт 1989: 413–414, 416).

Сорокинская *milklit* как раз иллюстрирует мысль Барта о движении текста (процесс пахтания, пластования, вязания) и о его множественности.

Финал *Наследия* пародирует как финал *Романа*, так и финал фильма «Крах инженера Гарина» (1973) Леонида Квинихидзе — телеэкранизации романа Алексея Толстого *Гиперболоид инженера Гарина* (1925–1927). Сорокина явно привлекло совпадение фамилии его героя с фамилией героя Алексея Толстого. В финале *Романа* главный герой, Роман Алексеевич Воспенников, как бы превращается в Родиона Романовича Раскольникова и топором уничтожает почти всех персонажей *Романа* — героев классической русской литературы, а потом умирает сам. В финале «Крах инженера Гарина» секретарь американского миллионера Роллинга (Василий Корзун) немец Шефер (Михаил Волков), связанный с радикальными националистическими организациями и стремящийся овладеть гиперболоидом Гарина — предшественником лазерных бластеров *Наследия*, насмерть травит ядовитым газом Роллинга и всех остальных, находящихся на острове. При этом Шефер и несколько его подручных надевают противогазы и спасаются от газа. Они спасают Петра Петровича Гарина (Олег Борисов), также надев на него противогаз. Но Гарин направляет луч гиперболоида на вулкан, и вырвавшаяся наружу лава уничтожает и Шефера, и Гарина, и гиперболоид. В *Наследии* переплётчик Ролан Киришгартен также использует газ против остальных персонажей третьей части, но лишь для того, чтобы на время усыпить их, а не убить:

«В это мгновенье из кармана белых брюк Киришгартена на ковер выпала китайская граната honglouteng (Сон в красном тереме (кит.). — название гранаты здесь не только является названием известного классического китайского романа XVIII века, но и указывает на то, что газ является только снотворным, но не летальным. — Б. С.) и взорвалась с мягким хлопком, заполнив кабинет усыпляющим газом. Сидящие, погружённые в процесс по-

глощения *творога*, запоздало зашевелились, но даже не успели встать со своих мест: газ действовал мгновенно.

Головы их бессильно опустились или откинулись на спинки стульев. Вера и Лурье сползли со стульев на ковёр, остальные остались сидеть в нелепых позах. Продолавший пластовать Телепнёв был поражён газом в момент творчества. Голова его свесилась на грудь, руки остались на блюде.

Киришгартен, зажав нос, ещё до хлопка гранаты выхватил из другого кармана кислородную маску и быстро приложил её к носу и рту.

Затем он снял тёмно-синие очки, встал, повесил их на спинку стула и полностью надел маску. Подошёл к Телепнёву и отодвинул его стул на колёсиках от стола, глухо пробормотав под маской:

— Посторонись, Петя. Проснёшься — простишь» (Сорокин 2024: 341–342).

Вся эта операция понадобилась Киришгартену для того, чтобы вырезать из массива *творога*, т. е. из ткани романа, Гарина: «Погрузив свои пальцы в *умное* молоко, активировал *milksaw* (молочная пила (англ.) — *Б. С.*), вырезал из массива *творога* кусочек с телом скончавшегося инвалида, убрал его в холодильный пакет и сунул пакет в карман брюк» (Там же: 342). Затем Киришгартен творит памятник Гарину из «*умного* молока», причем полученный *творог* превращается в мрамор:

«В тарелке росла гигантская скульптура человека, вытягиваясь вверх, обрастая антропоморфными подробностями. Достигнув десятиметровой высоты, рост массы прекратился, она стала расширяться, становясь скульптурой, выполненной в стиле позднего классицизма конца XIX века. Десятиметровый человек в докторском халате стоял, скрестив на груди могучие руки. Волевое лицо человека обрамляла густая борода, голова его была лысой, а на большом носу виднелось белое, тончайше вылепленное из *творога* пенсне. Вместо ног из-под халата виднелись два протеза, обутые в ботинки. Скульптуру поддерживал квадратный постамент.

Ролан осмотрел скульптуру и произнёс:

— Принято.

— Материал? — спросила Ролана умница.

— Каррарский мрамор, — ответил он.

Раздался ни на что не похожий звук, и *творог* стал перестраиваться в структуру мрамора. Тарелка треснула и развалилась на куски.

На постаменте прорезалась надпись:

ДОКТОР

ПЛАТОН ИЛЬИЧ ГАРИН

(это — единственное упоминание фамилии, а также имени и отчества Гарина в *Наследии*. — *Б. С.*)

Солнце засверкало на мраморе. Исполинская фигура стояла, глядя на запад. <...> В лунном свете это лицо приобрело новое выражение: словно мраморный исполин готов разжать свои волевые губы, чтобы сообщить раскинувшегося вокруг миру что-то очень важное, но пока не хочет этого делать» (Там же: 348–349).

С одной стороны, такой финал *Наследия* и трилогии в целом означает, что вся история доктора Гарина, включая полные тексты *Метели* и *Доктора Гарина*, две из трех частей *Наследия*, а также финал романа «Белые близне-

цы» в третьей части — это продукт milklit, созданный milkscripter'ом Петром Олеговичем Телепнёвым.

С другой стороны, гигантский памятник Гарину — это памятник русской интеллигенции, которая всегда смотрела на Запад, но так и не смогла разработать и провести в жизнь сколько-нибудь действенную программу преобразования России по западным стандартам. И находится памятник Гарину на обрыве, с которого может в будущем рухнуть. Но есть и надежда на то, что интеллигенция еще скажет свое слово.

Получается, что реальным, а не воображаемым, т. е. относящимся не к созданным героями литературным текстам, а к, пусть фантастической, но реальности, в трилогии о докторе Гарине является только третья часть *Наследия* (за вычетом финала «Белых близнецов»). А в том, существовали ли в этой реальности третьей части *Наследия* доктор Гарин и другие персонажи *Метели*, *Доктора Гарина* и первых двух частей *Наследия*, читателю нельзя быть уверенным. Но, во всяком случае, разрушительная ядерная война, жертвой последствий которой, в конечном счете, стал доктор Гарин, была и в той реальности, где действуют Ролан Киршгартен, Петр Олегович Телепнёв и другие milkscripter'ы и их родственники и друзья. Сообщается, что

«в мешанине обугленного, топорщащегося, замшелого дерева проступали два идеально ровных круглых озера с тёмной болотной водой. Это были воронки от двух ядерных бомб, сброшенных четыре с небольшим года назад на городище чернышей зимней ночью во время главного их праздника — ритуального сожжения мохавты, огромного каменного топора, сложенного чернышами из десятков тысяч деревянных копий айфонов. Сожжение сопровождалось коллективным соитием жителей страны на болоте» (Там же: 344–345).

Таким образом, супертоталитарное государство чернышей оказалось уничтожено, и дети Гарина Хррато и Плабюх, возможно, остаются последними представителями этого народа на Земле. Также в третьей части *Наследия* упоминается ядерная бомбардировка Канска, во время которой потерял зрение слепой юноша — видный представитель «прозы голодных тыловиков» milklit'a: «Когда ударили ядром по Канску, он был мальчиком. И смотрел на взрыв» (Там же: 308).

А читая «Les Bienveillantes», где речь идет о преступлениях нацистов во Второй мировой войне, одна из героинь *Наследия* размышляет про себя явно в контексте современности и в духе Льва Толстого:

«Отчего люди так много и часто убивают друг друга? Это уже даже не традиция, а какой-то оброк, повинность... убить ещё миллион себе подобных... то есть — самих себя... мы убьём ещё миллион самих себя в этом месяце... и миллион в следующем... убьём... убьём... и тогда на земле наступят гармония и порядок... нет... равновесие... рав-но-весеие... равновесие абсурда... и это вовсе не жизнь, Оленька...» (Там же: 246)

Действие третьей части *Наследия* происходит в Алтайской Республике, которая уже в *Докторе Гарине* выглядела таким островком относи-

тельной стабильности в бушующем море «нового средневековья». И уже в *Докторе Гарине* упоминается фантастический летательный аппарат «поперечный аэропиль» (Сорокин 2021: 9). А в *Наследии* на аэропиле летает Ролан Киришгартен. Этот аппарат заимствован из повести Александра Чайнова *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии* (1920), где в воображаемом 1984 году «в застывших облаках чернели сотни больших и малых точек аэропилей», и «легкий аэропиль доставил» героев «к трем часам на аэродром центра» (Кремнев [Чайнов] 1981: 38, 80). С помощью цитаты из чайновской утопии Сорокин дает понять, что благоденствующей Алтайской республики никогда не будет.

В третьей части *Наследия* много скрытых и явных цитат. Для нее большую роль играет роман Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита*. В финале «Белых близнецов» (и *Наследия* в целом) доктор Гарин и его дети во многом уподобляются Мастеру и Маргарите и Воланду и его свите:

«Ночь качнулась в сторону утра, бледнея небом, луной и звёздами, светлея востоком, куда уже вторые сутки двигались путники. Вторые сутки кони из чёрного живородящего пластика без усталости и остановок несли на своих спинах Оле, Алю, старика-инвалида, Плабюх и Хррато. Они следовали за белым вороном» (Сорокин 2024: 329).

У Булгакова читаем:

«Тут все шестеро коней рванулись вверх и поскакали на запад. <...>

Волшебные черные кони и те утомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чужая ее за спиною, притих даже неугомонный Бегемот и, вцепившись в седло когтями, летел молчаливый и серьезный, распушив свой хвост.

Ночь начала закрывать черным платком леса и луга, ночь зажигала печальные огоньки где-то далеко внизу, теперь уже не интересные и не нужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огоньки. Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в загрузившем небе белые пятнышки звезд» (Булгаков 2006: 920–921).

Мастер и Маргарита летят на запад, во владения князя тьмы, где обретают последний приют, перейдя ручей «через каменистый мшистый мостик» и следуя по песчаной дороге к вечному дому с венецианским окном и вьющимся виноградом (Там же: 924). Доктор Гарин и его дети летят на восток, к свету. Их путь к той цели, к которой ведет их белый ворон и которая аналогична последнему приюту Мастера и Маргариты, проходит по снегу к избушке в сосновом лесу. Это напоминает финал последнего фильма Алексея Балабанова «Я тоже хочу» (2012), где герои бредут по снегу к колокольне счастья, откуда некоторых из них берут в свет, но перед самой колокольней умирает режиссер, которого играет сам Балабанов. Через избушку Гарин и его дети попадают в новый яркий мир: «Они сидели на пашне в центре огромного поля. Вокруг расстилалась великолепная равнина — поля паханные и непаханные, ровные луга раскинулись до самого горизонта. А там, вдали, синела тонкая полоска леса. Полуденное солнце

светило с чистого неба. И было тепло. И пахло началом лета и свежей землёй» (Сорокин 2024: 335–336). К ним приближается огромная черная гора, которая при ближайшем рассмотрении оказывается человеком-великаном. Гарин умирает на пашне, а потом усилиями Киришгартена превращается в гигантский памятник каррарского мрамора. Остальные же по призыву великана взбираются на кисть его руки, которая становится их домом. В тот момент, когда Киришгартен прекращает процесс пахтанья и вырезает Гарина из *творого*, остается открытым вопрос, достигнут ли дети Гарина вершины горы — лица великана. Белая же фигура Гарина-памятника противостоит черному великану-горе.

Роман *Мастер и Маргарита* прямо цитируется в третьей части *Наследия*. Телепнёв говорит:

«Большинство из них, в том числе и Булгаков, втуне надеялись, что рано или поздно цензура сменится и пропустит эти тексты. Поэтому и допускали рыхлые, смягчающие острые углы лакуны, реверансы в сторону официоза. Помните, о Сталине: “Он хорошо делает своё дело”. А Платонов и Хармс не надеялись, что их вещи будут опубликованы.

— Логично, — кивнул Протопопов. — Хотя... “хорошо делает своё дело”... может, он имел в виду — адское дело? Помнишь, у Маяковского: “Товарищ Ленин, работа адская будет сделана и делается уже”. Воланд одобряет это?» (Сорокин 2024: 280)

Здесь имеется в виду тот эпизод булгаковского романа, когда Воланд со свитой и Мастером и Маргаритой покидает Москву и подвергается обстрелу со стороны истребителей:

«— Эге-ге, — сказал Коровьев, — это, по-видимому, нам хотят намекнуть, что мы излишне задержались здесь. А не разрешите ли мне, мессир, свистнуть еще раз?

— Нет, — ответил Воланд, — не разрешаю. — Он поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротою точку и добавил:

— У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь. Нам пора!

В этот момент аэроплан, ослепительно сверкая, ревел уже над Девичьим монастырем. В воздухе прокатился стук. Вокруг Маргариты подняло тучу пыли» (Булгаков 2006: 920).

Реплика Воланда: «У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь» относится к правителю той страны, которую покидает сатана, т. е. к Сталину. Следует подчеркнуть, что первые слушатели чтения Булгаковым этой главы романа не сомневались, что под тем, кто «правильно делает свое дело», подразумевается Сталин, и считали похвалу, которую ему дает сатана, очень опасной для автора романа, совсем не воспринимая слова Воланда как реверанс по отношению к Сталину. 15 мая 1939 года после чтения Булгаковым заключительных глав *Мастера и Маргариты* нескольким друзьям, включая сотрудников МХАТа, третья жена Булгакова Елена Сергеевна записала в дневнике: «Последние главы

слушали почему-то закоченев. Все их испугало. Паша (П. А. Марков, заведующий литературной частью МХАТа. — Б. С.) в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя — ужасные последствия могут быть» (Дневник Елены Булгаковой 1990: 259). Булгаков собирался подавать роман наверх, т. е. Сталину, и Марков не сомневался, что генсеку похвала со стороны Воланда не понравится. Поэтому версия с реверансом в сторону Сталина не выглядит убедительной. Скорее всего, Сорокин стоит на той точке зрения, что Воланд хвалил Сталина за «адское дело» и не принимает версии, что Булгаков и другие писатели, которые не могли публиковать свои произведения при жизни, делали скрытые реверансы в адрес властей в расчете на позднейшее смягчение цензуры.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Анищенко Виктор. «По следам исчезнувших теней». *Уральский следопыт* 8 (2018): 16–18 (<https://uralstalker.com/stalkerpdf/2018/08/16/>).
- Барт Ролан. «От произведения к тексту». Барт Ролан. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. Пер. с франц. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989.
- Булгаков Михаил. «Белая гвардия». Булгаков Михаил. *Белая гвардия. Записки юного врача. Морфий. Заметки и миниатюры: Роман, рассказы, очерки* / Сост., предисл., комментарии Б. В. Соколова. Москва: Престиж Бук, 2023.
- Булгаков Михаил. «Мой бедный, бедный мастер...»: *Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита»* / Сост., подготовка текста, комментарии В. И. Лосева. Под ред. Б. В. Соколова. Москва: Вагриус, 2006.
- Весёлый Артём [Кочкуров Николай]. *Россия, кровью умытая: Роман; Фрагмент*. Москва: Художественная литература, 1990.
- Высоцкий Владимир. *Собрание сочинений*. В 7 т. Т. 1. Вельон: Б.Б.Е., 1994.
- Дневник Елены Булгаковой* / Сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской. Москва: Книжная палата, 1990.
- Иванов Всеволод. «Бронепоезд 14-69». Иванов Всеволод. *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. Москва: Художественная литература, 1968.
- Климов Дмитрий. «Дальнему Востоку возвращают непридуманную историю». BBC Russian. com, 2004, 5 августа, ([http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid\\_3540000/3540256.stm](http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3540000/3540256.stm)).
- Кремнев Иван [Чаянов Александр]. *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии* / Предисловие Глеба Струве. Нью-Йорк: Серебряный век, 1981.
- Мамиконян Ольга, Ломыкина Наталья, Алеева Екатерина. Сорокин назвал жалобы на роман «Наследие» «шумихой, поднятой группой доносчиков» // ForbesLife, 2024, 26 января (<https://www.forbes.ru/forbeslife/505006-sorokin-nazval-zaloby-na-roman-nasledie-sumihoj-podnatoj-gruppoj-donoschikov?ysclid=ls2wv2qwx0114753373>).
- Сорокин Владимир. *Доктор Гарин: роман*. Москва: АСТ; CORPUS, 2021.
- Сорокин Владимир. *Наследие: роман*. Москва: АСТ; CORPUS, 2024.
- Шолохов Михаил. «Тихий Дон». *Октябрь* 9–10 (1928). Сентябрь — октябрь.
- Шуцкий Юлиан. *Китайская классическая «Книга Перемен»*. 2-е изд. испр. и доп. / Под ред. А. И. Кобзева. Москва: Наука, 1993.
- GEEKon. «Инженеры сделали настоящий лазерный бластер». GEEKon, 2018, 3 июля, ([https://dzen.ru/a/WztbMKjBbgCoEN5\\_](https://dzen.ru/a/WztbMKjBbgCoEN5_)).
- Robinson Paul. “Putin’s Right Flank”. *The American Conservative*, 2014, 21 August, (<https://web.archive.org/web/20140827163058/http://www.theamericanconservative.com/articles/putins-right-flank/>).

## REFERENCES

- Anishchenko Victor. "In the footsteps of vanished shadows". *Ural Pathfinder* 8 (2018): 16–18 (<https://uralstalker.com/stalkerpdf/2018/08/16/>).
- Bart Roland. "From Work to Text". Bart Roland. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Translated from French. / Comp., general ed. and introductory article by G. K. Kosikova. Moscow: Progress, 1989.
- Bulgakov Mikhail. "My poor, poor master...": *The complete collection of editions and versions of the novel "The Master and Margarita"* / Comp., preparation of the text, comments by V. I. Losev. Edited by B. V. Sokolov. Moscow: Vagrius, 2006.
- Bulgakov Mikhail. "The White Guard". Mikhail Bulgakov. *The White Guard. Notes of a young doctor. Morphine. Notes and miniatures: A novel, short stories, essays* / Comp., preface, comments by B. V. Sokolov. Moscow: Prestige Book, 2023.
- The diary of Elena Bulgakova* / Comp., textol. ready. and comments by V. Losev and L. Yanovskoy, Moscow: Knizhnaja palata, 1990.
- GEEKon. Engineers have made a real laser blaster // GEEKon, 2018, July 3, ([https://dzen.ru/a/WztbMKjBbgCoEN5\\_](https://dzen.ru/a/WztbMKjBbgCoEN5_)).
- Ivanov Vsevolod. "Armored train 14-69". Ivanov Vsevolod. *Works*. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaja Literatura, 1968.
- Klimov Dmitry. "An unreal story is being returned to the Far East". BBC Russian. com, 2004, August 5, ([http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid\\_3540000/3540256.stm](http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3540000/3540256.stm)).
- Mamikonian Olga, Lomykina Natalia, Aleeva Ekaterina. "Sorokin called the complaints about the novel 'Legacy' 'a hype raised by a group of informers'". ForbesLife, 2024, January 26 (<https://www.forbes.ru/forbeslife/505006-sorokin-nazval-zaloby-na-roman-nasledie-sumihoj-podnatoj-gruppoj-donoschikov?ysclid=ls2wv2qwx0114753373>).
- Kremnev Ivan [Chayanov Alexander]. *The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia* / Foreword by Gleb Struve. New York: Silver Age, 1981.
- Robinson Paul. "Putin's Right Flank". *The American Conservative*, 2014, 21 August, (<https://web.archive.org/web/20140827163058/http://www.theamericanconservative.com/articles/putins-right-flank/>).
- Sholokhov Mikhail. "Quiet Don". *October* 9–10 (1928). September — October.
- Sorokin Vladimir. *Dr. Garin: a novel*. Moscow: AST; CORPUS, 2021.
- Sorokin Vladimir. *The Legacy: a novel*. Moscow: AST; CORPUS, 2024.
- Shutsky Julian. *The Chinese classic "Book of Changes"*. 2nd ed. ispr. and add./Edited by A. I. Kobzev. Moscow: Nauka, 1993.
- Veselyj Artyom [Nikolay Kochkurov]. *Russia, washed with blood: A novel*; Fragment. Moscow: Khudozhestvennaja Literatura, 1990.
- Vysotsky Vladimir. *Collected works*. In 7 volumes. Vol. 1. Velion: B.B.E., 1994.

Борис В. Соколов

ДОКТОР ГАРИН У ВРЕМЕ НУКЛЕАРКЕ

Резиме

Чланак се бави анализом романа Владимира Сорокина *Наслеђе* који заокружује трилогију о доктору Гарину. Успоставља се веза између романа и догађаја из рата у Донбасу и руско-украјинског рата. Откривају се прави прототипови јунака повезаних са овим ратовима као и књижевни извори романа. Такође се откривају особености композиције романа и трилогије у целини. Доказује се да роман пародира совјетску књижевност о грађанском рату у Русији, руску и страну књижевност XX–XXI века, а такође и књижевност која је написана помоћу вештачке интелигенције.

*Кључне речи:* Владимир Сорокин, руска књижевност XXI века, совјетска књижевност о грађанском рату, рат у Донбасу, руско-украјински рат, вештачка интелигенција.